

С. ПЕСТКОВСКИЙ,
комиссар телеграфа

ОБ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЯХ В ПИТЕРЕ

Месяца за два до октября, в «корниловские дни», я из Петроградского совета профсоюзов перешел на работу в ЦК партии. В качестве члена секретариата ЦК я получил в заведование отделение ЦК в Смольном.

Отделение ЦК помещалось в комнате большевистской фракции ВЦИК, а так как последняя своего постоянного дежурного секретаря не имела, то одновременно мне пришлось нести и обязанности секретаря обеих фракций, т. е. Всероссийского и Питерского Совета. Так как работы было подчас очень много, мне помогали иногда покойный Бронислав Веселовский или тов. Драбкина.

В занимаемой фракцией громадной комнате с утра до вечера царило необычайное оживление. С утра являлись представители военных частей питерского гарнизона за литературой, с приглашениями на лекции и митинги. Кроме того, весь день толкались делегации, по большей части с фронта, иногда из деревни. Эти делегации надо было «обрабатывать».

В «обработке» делегаций иногда принимали участие гг. Дзержинский и Свердлов, но так как они были люди очень занятые, то большей частью приходилось беседовать с делегатами мне, а затем направлять в нашу военную организацию, на Литейный для окончательной «обработки», для закрепления связей.

Работа была весьма живая. Кроме того, постоянная

связь с массой давала возможность ориентироваться в настроениях.

Таким образом, ясно дало себя чувствовать приближение выступления.

Наступило время II съезда Советов. Напряжение масс возросло до высшей точки.

С прибытием делегатов оживление в нашей комнате дошло до максимума. С утра до вечера дым стоял коромыслом.

До первого организационного собрания обязанности секретаря фракции пришлось исполнять мне.

Для меня ясной становилась картина предстоящего съезда: «Будем иметь большинство».

22 октября был «День Петроградского Совета». Часть приезжих делегатов была использована на митингах по заводам. Этот день был предвестником нашего выступления.

Я был на двух заводах на Васильевском острове (у Поссея и на Трубочном), где главными ораторами с нашей стороны выступали гг. Коллонтай и Лашевич. Мы ясно говорили массе о предстоящем захвате власти нами и, кроме одобрения, ничего не слышали.

Таким образом, правительство Керенского уже 22 октября получило предостережение.

Ночью с 23 на 24 число Временное правительство распорядилось закрыть «Путь Правды». Мы решили не подчиниться, и нашей военной организацией в шесть часов утра 24-го был послан караул Волынского полка охранять редакцию от всяких посягательств.

В два часа пополудни того же дня, в самый разгар записи во фракцию новоприбывших делегатов на съезд, ко мне подбежал тов. Дзержинский с бумажкой в руках:

— Вам вместе с тов. Лещинским предписывается занять Главный телеграф. Вот мандат Военно-революционного комитета, которым вы назначаетесь комиссаром телеграфа. Отправляйтесь сейчас.

— Каким образом занять телеграф? — спросил я.

— Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне, — ответил Дзержинский.

Больше я не спрашивал. Задача казалась мне сначала не весьма трудной, так как я являлся руководителем нашей питерской почтово-телеграфной ячейки и знал почти всех наших большевиков. Я отыскал тов. Лещинского, и

мы отправились вдвоем. Ни у кого из нас не было револьвера. Когда мы садились в автомобиль, у нас возникло в душе странное, мучительное напряжение: вот оно, жданное десятилетиями решительное выступление пролетариата. Чем-то оно окончится?

Неужели еще поражением?

Горький опыт июльских дней не давал нам полной уверенности в победе.

Действовать мы решили таким образом. Комендантом телеграфа (от Временного правительства) являлся личный знакомый Лещинского штабс-капитан Лонгва. Мы должны были переговорить с ним и заручиться его содействием. Затем надо было сговориться с нашей ячейкой и сразу приступить «к захвату».

Вышло немного иначе. Лонгва, «не имея директив от своей организации», отказал нам в содействии, обещав только «не мешать». А на совещании с ячейкой мы выяснили, что на всем телеграфе, среди трех тысяч служащих, нет ни одного большевика, а только один левый эсер Хауров. Все наши товарищи были служащими не телеграфа, а почтамта. Вызвали левого эсера Хаурова; он нам сообщил, что вся масса служащих весьма враждебно настроена против большевиков.

Положение было весьма трудное. Но здесь из Смольного прибыл к нам на подмогу тов. Любович. Он был сам по профессии телеграфистом и знал порядки на телеграфе. Втроем мы почувствовали себя сильнее и пошли переговорить с караулом.

Караул, во главе которого стоял какой-то прапорщик, увидев мандат Военно-революционного комитета, обещал оказать нам содействие. Тогда, 24 октября, около пяти часов, мы втроем, в сопровождении начальника караула, вошли в главный зал телеграфа, подошли к находящемуся там председателю союза почтово-телеграфных служащих г-ну Кингу (правый эсер) и объявили ему, что занимаем телеграф. Кинг заявил нам, что выставит нас за дверь. Тогда тов. Любович вызвал двух кексгольмцев и поставил их около коммутатора.

Среди женщин, служащих телеграфа, начался визг и переполох. Представители союза, посоветовавшись между собой, пошли на компромисс: они согласились на то, чтобы «в зале сидел комиссар» при условии, если мы выведем солдат из зала.

Мы согласились. Я засел на телеграфе, Любович ушел укрепить караул, а Лещинский удалился в комнатку фракции в соседнем доме, в резерв.

В восемь часов вечера того же дня прибыл на смену кексгольмцам присланный командующим Петроградским округом специальный караул из юнкеров. Кексгольмский караул, обработанный Любовичем, заявил, что желает попрежнему занимать телеграф.

Юнкера ушли...

Ночью соседнее с нами здание Петербургского Телеграфного Агентства было занято тов. Старком с двенадцатью матросами под начальством моего старого приятеля по лондонской эмиграции — матроса Ивана Савина.

Иметь в соседстве матросов было очень приятно, так как кексгольмцы внушали мало доверия. Ночью юнкера явились еще раз. Матросы скомандовали им: «Левое плечо вперед, марш!». И они опять ушли.

На другой день до вечера не случилось ничего особенного. Я не покидал телеграфа. Даже спать не очень хотелось. Любович, державший связь со Смольным, сообщил мне о занятии нами в течение этого дня главных правительственных учреждений и об осаде Зимнего дворца.

Ночью ко мне явился из Смольного тов. Зоф со знаменитым манифестом Совета Народных Комиссаров за подписью тов. Ленина, где сообщалось о низвержении правительства Керенского и образовании Совнаркома. Манифест приказано было передать по телеграфу на места. Задача была весьма трудная. Манифест надо было напечатать в количестве не менее ста экземпляров, а телеграфные служащие отказывались исполнять мои распоряжения.

С помощью подоспел товарищ министра почт и телеграфов Соловьев. Он указал мне, где находится ротатор, и я заставил какого-то мальчишку отпечатать воззвание. Затем мне пришлось собственноручно на каждом листе написать название города, куда следовало передать манифест. Соловьев сдавал листы на аппарат.

К утру манифест был передан во все губернские города и промышленные центры, а также в местопребывания штабов армий.

28-го вспыхнуло юнкерское восстание. С другой стороны, на Питер наступали Керенский с Красновым. Служащие телеграфа, почувствовав надвигающуюся силу, сами усилили саботаж.

Юнкера захватили телефонную станцию на Морской, недалеко от нашего телеграфа. Мы готовились к защите. Опирались мы только на матросов, так как кексгольмцы трусили.

Юнкерский броневик время от времени обстреливал наш Почтамтский переулочек. Матросы устроили засаду, прячась за кучами дров на Исаакиевской площади. Наконец им удалось повредить шины у броневика. Он приостановился. Матросы пошли в атаку. Двое из них пало, но броневик взяли. Из найденных в нем четырех юнкеров двоих убили, двоих взяли в плен.

Мы с Любовичем решили поднять Кексгольмский полк на завоевание телефонной станции и отправились в казармы. После долгих обсуждений полк согласился выступить, «если из Смольного пришлют броневик». Отправили в Смольный «курьера» за броневиком.

Пока броневик прибыл, матросы и Красная гвардия взяли обратно телефонную станцию.

Ночью того же дня (28 октября) я решил запросить Москву о положении дел. Послал следующую записку: «Москва, Совдеп. Мы здесь в Питере справились с юнкерским восстанием. Как дела у Вас? Комиссар телеграфа Пестковский».

Через несколько часов получил ответ: «Дела неважны. У них юнкера, артиллерия; думаем кончить компромиссом. Смирнов».

Получив столь важную записку, решил завезти ее лично в Смольный. Вытребовал почтовый автомобиль. Шофёр отказался ехать: была еще ночь, слышалась еще по временам стрельба. Я занял у кого-то наган и заставил шофёра ехать. Доехал, у входа в Смольный встретил Крыленко. Тот сообщил мне, что в Москву отправляются подкрепления: матросы, броневики...

Я пошел вверх. В одной из комнат я застал спящим навзничь на скамейке Я. М. Свердлова. Разбудил и сообщил ему о записке. Он тоже успокоил меня, подтвердив слова Крыленко. Я из любопытства зашел еще в штаб,

где находились Ленин, Троцкий, Сталин, Подвойский и Мехоношин.

Ильич поразил меня своим спокойствием.

Потолкавшись в штабе, я решил еще исследовать Смольный, в котором я не был с тех пор, как меня отправили на телеграф. Набрел на какую-то подозрительную комнату внизу. Там происходило какое-то частное совещание. Присутствовали Каменев, Зиновьев, Рязанов и еще два человека, которых не помню. Говорили о необходимости «столковаться с другими». Каменев ушел, а через несколько минут вернулся, таща за собой запотевшего Камкова. Тут я понял в чем дело, поспешно ретировался и поехал обратно на телеграф.

Через несколько дней я ушел из телеграфа, получив отпуск от Дзержинского.

Решил искать работу. Сначала мне предлагали войти в коллегию Наркомпочтеля, но я не чувствовал больше никакой охоты возиться с делом, которого я не понимал.

Я отправился к Ильичу и предложил себя в работники. Ильич, выслушав меня внимательно, улыбнулся и сказал:

— Работа, без сомнения, для вас найдется. Мы ждем из Москвы Рыкова, который назначен Наркомвнуделом. Подождите его приезда, тогда устроим вас наверняка.

Я решил ждать. Сперва уселся в коридоре на скамейке, около кабинета Ильича. Место было очень удобное для наблюдений. В кабинет Ильича шла разная публика из Питера и приезжие. Но вскоре этот способ ожидания надоед мне, я открыл двери в комнату, находящуюся против кабинета Ильича, и вошел туда.

Комната была довольно большая. В одном углу работал у столика секретарь Совнаркома тов. Н. П. Горбунов. У другого столика гг. Залкинд и Поливанов допрашивали только что арестованного крупного чиновника. Дальше на диване полулежал, с утомленным видом тов. Менжинский. Над диваном красовалась надпись «Народный Комиссариат Финансов».

Я уселся около Менжинского и вступил с ним в беседу. С самым невинным видом тов. Менжинский расспрашивал меня о моем прошлом и полюбопытствовал, чему я учился.

Я ответил ему между прочим, что учился в Лондонском университете, где в числе других наук штудировал и финансовую науку.

Менжинский вдруг приподнялся, впился в меня глазами и заявил категорически:

— В таком случае мы вас сделаем управляющим Государственным банком.

Я испугался и ответил ему, что у меня нет никакой охоты занять этот пост, так как это совершенно «не по моей части». Менжинский, ничего не говоря, попросил меня обождать и вышел из комнаты. Через некоторое время вернулся с бумагой, в которой за подписью Ильича удостоверилось, что я и есть управляющий Госбанком.

Я еще больше опешил и стал просить Менжинского об отмене постановления. Но он остался непоколебимым.

Затем он мне объяснил положение. Дело в том, что нам дозарезу нужны были деньги, хотя бы несколько миллионов. Государственный банк и казначейство бастуют, и легальным образом денег получить нельзя. А финансовое дело — дело тонкое, и поэтому нужно соблюсти формальности. Единственный способ — сменить головку банка и затем взять деньги.

Услышав, в чем заключается моя главная задача, я немного успокоился. Вскоре мы с Менжинским стали снаряжать экспедицию в банк. Подготовились мы тщательно. Для того чтобы усилить мою позицию в банке, был назначен членом совета банка Сокольников. Кроме того, с нами отправился тов. Подвойский, распорядившись предварительно придвинуть к зданию банка один батальон матросов для того, чтобы сменить охраняющий банк караул из Семеновского полка.

Когда мы приехали в банк, нам представилась картина, напоминающая мне мое пребывание на телеграфе. Служащие толпились массами по коридорам; из их толпы падали по нашему адресу разные «словечки». Мы направились прямо в кабинет управляющего. Там мы застали совет банка в полном сборе, за исключением самого управляющего, г-на Шипова. Совет представлял из себя кучу «почтенных стариков», перед которыми я чувствовал себя, как ученик на экзамене. Менжинский твердым голосом прочел декларацию Наркомфина, где служащим пред-

писывалось стать на работу: отказывающимся грозила отставка с посылкой на фронт. Наша декларация была принята враждебными возгласами. Когда затем Менжинский заявил, что Шипов устраняется, а на его место назначаюсь я, галдеж усилился: совет заявил, что подает в отставку. Поспорив еще пару минут, мы все удалились.

Единственными работниками в Государственном банке, которые оказали нам сочувствие и некоторую поддержку, были курьеры и низшие служащие.

Мы покинули банк и возвратились в Смольный, не добившись пока ничего. Этот первый дебют так обескуражил меня, что я опять стал налегать на Менжинского, прося освободить меня от непосильного бремени. Два дня спустя Менжинский уступил: вместо меня управляющим банком был назначен В. В. Осинский.

Покончив с «финансовой карьерой», я опять стал думать, куда бы приткнуться. Проэкзаменовав себя строго, я пришел к тому убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является Комиссариат по делам национальностей. «Я сам инородец, — рассуждал я, — следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате. Кроме того, я кое-что читал по национальному вопросу». Решившись пойти по новой линии, я отправился к Сталину.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — вы народный комиссар по делам национальностей?

— Я.

— А комиссариат у вас есть?

— Нет.

— Ну так я вам сделаю комиссариат.

— Хорошо! Что вам для этого нужно?

— Пока только мандат на предмет «оказания содействия».

— Ладно!

Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в Управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом. Получив мандат, я стал рыскать по Смольному, высматривая место для Наркомнаца.

Задача была нелегкая, везде было тесно.

Наконец я набрел на какую-то большую комнату, где

у одного столика заседала комиссия по вещевому снабжению Красной гвардии, а у другого — выдавались разрешения на право ношения оружия. Здесь я вдруг наткнулся на моего товарища по каторге, впоследствии погибшего на Западном фронте, тов. Феликса Сенюту.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

— Работаю по вещевому снабжению Красной гвардии.

— Переходи к нам, в Народный комиссариат национальностей.

— Хорошо.

— Можно ли устроиться нам в этой комнате?

— Конечно можно.

Тут мы с покойным Сенютой нашли какой-то свободный столик и поставили его у стены. Затем Сенюта взял большой лист бумаги и, начертав на нем: «Народный Комиссариат по Делах Национальностей», прикрепил к стене над столиком. Достали два стула.

— Готов комиссариат! — воскликнул я.

И сейчас же пустился обратно в кабинет Ильича где, за неимением собственного кабинета, пребывал Сталин.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — идите посмотреть ваш комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому устройству и зашагал за мной по коридору, пока мы не пришли в «комиссариат».

Здесь я отрекомендовал ему тов. Сенюту, назвав его заведующим канцелярией Наркомнаца.

Сталин согласился, окинул взглядом комиссариат и, издав какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство, направился обратно в кабинет Ильича.

Я отправился в город, заказал бланки и печать. Уплатив за бланки и печать, я израсходовал все мои деньги и деньги тов. Сенюты.

Решился идти к Сталину.

— Товарищ Сталин, — сказал я, — денег ни гроша у нас нет.

Я знал, что изъятие из банка еще не произведено.

— Много ли нужно? — спросил Сталин.

— Для начала хватит тысячи рублей.

— Придите через час.

Когда я явился через час, Сталин велел мне сделать заем у Троцкого на три тысячи рублей.

— У него деньги есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел.

Я пошел к Троцкому, дал ему форменную расписку на три тысячи рублей и получил их.

Однажды, это было около пятого или шестого ноября, Сталин встретил меня в коридоре. У него в руках была какая-то бумага.

— Есть ли у нас в комиссариате машинистка? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Да и надобности-то пока в ней нет. Пока работает машинистка Совета фабрично-заводских комитетов, по знакомству.

— В таком случае найдите надежную машинистку и перепечатайте эту бумагу. Нужно экземпляров двенадцать. Бумага строго секретная.

Я взял бумагу. Это было знаменитое обращение большинства ЦК к меньшинству. Там говорилось: «или подчиняйтесь большинству, или уходите!». Под этим обращением были подписи пятнадцати цекистов.

Я задумался. Машинистка из фабзавкома, которая выполняла для нас работу, сочувствовала меньшевикам. Ей нельзя было давать такой бумаги для переписки. Я пустился в поиски по Смольному и набрел на Мехоношина.

— Товарищ Мехоношин, нет ли у вас какой-нибудь надежной машинистки?

— Машинистки надежной нет, но есть машинист.

— Давайте машиниста!

Мехоношин подвел меня к какому-то бородатому субъекту в военной форме, сидевшему за машинкой.

Я продиктовал ему бумагу. Напечатав дюжину экземпляров, отнес всё тов. Сталину.

Эта бумага обратила мое внимание на наши разногласия. Так как от молчаливого Сталина я не надеялся узнать что-нибудь, то решил справиться у первого попавшегося цекиста.

На следующий день утром у входа в Смольный я встретил Муранова.

— Как наши разногласия? — спросил я у него.

Муранов махнул рукой.

— Наша беда не в том, — сказал он, — что у нас много марксистов. Плохо то, что слишком много Марксов.

Вот всё, что я узнал о расколе.

Новые жгучие вопросы выплывали каждый день в таком количестве, что я вскоре перестал интересоваться расколом.

Власть Советов с каждым днем укреплялась.

